

УДК 93/94
DOI 10.52452/19931778_2024_2_16

НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА И ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2024 г.

А.В. Беляев

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

belyaev_av@list.ru

Поступила в редакцию 01.02.2024

В современной историографии Новая Большая игра обозначает, в узком значении, соперничество мировых и региональных держав в Центрально-Азиатском регионе. Термин появился в 1994 г., после распада СССР, а основным содержанием его стала борьба за ресурсы (советское наследие), вследствие чего применение данного концепта критикуется за неокOLONиальное определение ситуации. Понятие Новой Большой игры обнаружило тенденцию к эволюции, пройдя несколько стадий своего развития, совпадающих с глобальными сдвигами в международных отношениях. Вместе с тем популярность образа сказывается на строгости его применения. Анализируя игровые коннотации понятия, удалось выделить ряд атрибутов, свойственных стоящей за ним концепции. В них ярко проявляются симулятивная природа восприятия международных отношений и признаки нового режима темпоральности.

Ключевые слова: Большая игра, Новая Большая игра, международные отношения, история понятий, антропология игры.

Введение

Конфликты ряда последних десятилетий, начиная с войны в Персидском заливе 1991 г., закрепили тенденцию к превращению глобальной политики в остросюжетное зрелище, которое приковывает к себе колоссальное внимание по всему миру. Вместе с этим чрезвычайно высокий темп цифровой коммуникации и небывалая скорость распространения информации диктуют стремительность принятия решений, в том числе политических. Однако механизмы профессиональной экспертизы, аналитики и публицистики сохраняют зависимость от устоявшихся культурных образов, стереотипов и историографических метафор. Их применение облегчает анализ и интерпретацию текущих событий в русле привычных концептов. Создаваемые таким образом описательные модели обладают наибольшей доступностью и легко распространяются в неэкспертной среде. Одной из таких моделей, повсеместно используемой в объяснении внешнеполитических акций (первоначально лишь в Средней Азии), стала Новая Большая игра. Центрально-Азиатский регион по крайней мере с конца XX века притягивал к себе все более пристальное внимание ведущих мировых и региональных держав, тогда как парадигма восприятия происходящих в нем процессов сложилась довольно давно. Экспансия

Новой Большой игры в первую очередь ставит вопросы об условиях возрождения старого понятия и специфике его содержательного наполнения, стадий и факторов его эволюции. Вместе с тем реактуализация этой метафоры является, как будет показано в статье, и симптомом кризиса прогрессистских ожиданий, что выразилось в сдвиге к прошлому в текущем темпоральном режиме. Отдельного внимания заслуживают отсылки, раскрывающие этот метафорический образ с иной, ранее слабо изученной стороны. Их последовательный анализ может обнаружить характерные атрибуты Новой Большой игры как части глобальной политики в цифровую эпоху.

По устоявшемуся мнению, первое применение обновленного термина относится к 1994 г., когда на страницах издания *Far Eastern Economic Review* его использовал пакистанский журналист Ахмед Рашид. Указания на это имеются как в современных отечественных и зарубежных работах (см., например, [1]), так и в собственной книге Рашида «Галибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии» [2, с. 6]. Впрочем, до этого применительно к региону по-прежнему часто использовалось понятие Большая игра [3–5]. Политика мировых держав в Средней Азии практически повсеместно воспринималась экспертным и журналистским сообществом как ее продолжение или возобнов-

ление после Второй мировой войны [6; 7]. В России новый термин закрепился несколько позже.

Происхождение и содержание понятия Новая Большая игра

Потребность в новом названии для происходящего в Средней Азии была вызвана обретением независимости пятью бывшими советскими республиками [8, с. 207; 9, с. 83] и изменением в расстановке сил на мировой арене. Новая Большая игра интересна не только как совокупность составляющих ее элементов (участников, методов или конкретных событий), но и в качестве дискурсивного феномена. Он демонстрирует значительный плюрализм подходов к его содержанию. Изучение эволюции термина позволит маркировать сдвиги в восприятии и осмыслении нового опыта международных отношений в Средней Азии. Короткая, но насыщенная история этого понятия способна выступить и в качестве дополнительной призмы для фиксации отличительных признаков «исчезновения старого мира и возникновения современного» [10, с. 24]. Большая и кропотливая работа по классификации трактовок событий, происходящих в Центральной Азии, была проделана в работе А.В. Михалева «Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс» [11]. Подходы к проблеме, по тем или иным причинам не освещенные в указанной статье, будут рассмотрены ниже.

Термин «Новая Большая игра» используется как в публицистике, так и в экспертизе двояко: как метафора и как аналитический инструмент. В обоих случаях Новая Большая игра популяризуется и становится феноменом, влияющим на принятие политических решений [11, с. 12]. Итак, существуют разные взгляды на содержание данного понятия. «Первая точка зрения заключается в том, что регион является ареной столкновения интересов только крупных политических игроков, таких как Россия, США, Китай, Евросоюз и Индия. Вторая позиция заключается в том, что... регион является ареной не одной “игры”, а нескольких малых “игр”, в которые вовлечены не только великие державы (США, Россия и Китай), но и региональные силы» (цит. по: [12, с. 351–352; 13, с. 93]). В двух других подходах авторы, хотя и применяют понятие Новой Большой игры, относятся к нему критически. Они стремятся продемонстрировать существенные отличия нынешней ситуации в Центральной Азии от российско-британского противостояния в XIX – начале XX века. Один взгляд на проблему акцентирует внимание на том, что в Прикаспийском регионе

(куда традиционно включаются пять среднеазиатских республик и иногда страны Закавказья) «присутствует, скорее, борьба за баланс сил в сочетании с ростом мощи самих каспийских государств, которых не следует сбрасывать со счетов. По этой причине великие державы не могут навязывать свои правила прикаспийским странам в одностороннем порядке» [14]. Еще одно значимое отличие – это возросшая роль транснациональных корпораций и международных организаций, выступающих отчасти в качестве самостоятельных игроков [15].

Имеющиеся точки зрения на содержание Новой Большой игры являются результатом краткосрочной, но интенсивной эволюции данного понятия с момента его изобретения. На этом пути можно проследить несколько этапов. Первоначально наполнение термина сводилось к проблемам контроля над месторождениями и средствами доставки энергоресурсов. Многие авторы уделяли большое внимание перспективам и проблемам России в деле сохранения влияния в регионе. И конечно же, предрекалось скорое наступление Китая, а также рост активности со стороны региональных держав (Турции, Ирана, Южной Кореи и др.) [4; 5; 16; 17].

Поворотным моментом, нашедшим дальнейшее отражение в употреблении понятия «Новая Большая игра», стала операция союзников во главе с Соединенными Штатами в Афганистане. Если ранее в качестве средств продвижения влияния преимущественно применялись политические и экономические рычаги, то присутствие в регионе военного контингента отразилось как на политике заинтересованных игроков, так и на аналитической оценке соотношения сил. Этот этап привнес в содержание понятия элементы современной антитеррористической повестки и вопросы кооперации с целью обеспечения безопасности [18–20]. Данный аспект характеризует новации в сущности изучаемого концепта. На предыдущем этапе ресурсное отношение к региону во многом наследовалось из литературы (исторической традиции), а осмысление происходящего производилось в терминах геополитики. После 2001 г. регион испытал влияние нового подхода к соотношению сил.

В первой половине 1990-х гг. из-за собственной экономической и политической слабости страны Центральной Азии уже выступали как объект торгово-экономической экспансии Китая. А в конце 90-х гг. КНР сосредоточила усилия на интенсификации экономических отношений с центральноазиатскими соседями, которые были слабо интегрированы между собой. Инструментом китайской политики в Цен-

тральной Азии стали выступать транспортные проекты, которым в Пекине уделяли повышенное внимание. Начавшееся в 2001 г. вторжение коалиционных войск в Афганистан заставило Китай учитывать появление американских военных баз в Центральной Азии. Их размещение изменило геополитическую ситуацию в регионе. В Пекине существовали опасения, что в случае обострения китайско-американских отношений страны Центральной Азии могут превратиться в плацдарм для нанесения ударов по Китаю [21, с. 124].

Эволюция понятия «Новая Большая игра» на этом этапе включала в себя отказ от однозначной конфронтации в пользу сотрудничества в интересах безопасности, расширение набора военно-политических и экономических рычагов и учитывала углубленный контекст в оценке действий заинтересованных сторон. Так, «российское расширение военной инфраструктуры в регионе (прежде всего, в Таджикистане и Кыргызстане), ... не является предметом озабоченности для Пекина, поскольку, во-первых, обеспечивает региональную безопасность; во-вторых, служит сдерживающим фактором усиления влияния США; в-третьих, снимает обвинения в геополитических устремлениях Пекина в глазах центральноазиатских лидеров и повышает привлекательность Китая в качестве ключевого инвестора в инфраструктурные и другие экономические проекты в Центральной Азии» [22, с. 112].

К концу нулевых годов XXI века начал формироваться новый узел противоречий в международных отношениях. Он был связан с ростом разногласий между Российской Федерацией и США, связанных с вопросами ПРО, расширения НАТО на восток и политикой последней в смежных с российскими границами регионах, в том числе в Средней Азии. Обретя экономическую устойчивость, Россия возвращалась в качестве крупного мирового и регионального игрока. В противовес военно-политическим блокам, она выстраивала политику с опорой на «гибкие» структуры, создаваемые для решения конкретных проблем, открытые для участия всех заинтересованных стран и не требующие образования громоздких бюрократических структур [23, с. 48]. Примерами этого стали G20, практика ежегодных встреч представителей Бразилии, России, Индии и Китая, трансформировавшаяся в 2011 г. в постоянно действующее объединение, получившее название БРИКС, развитие ЕврАзЭС с Белоруссией и Казахстаном. В то же время активизировала свою внешнюю политику и Турция. «Турецкие власти предпринимали усилия, направленные на максимальное расширение географии поли-

тического участия Анкары в международных структурах. В 2005 г. Турция добилась статуса страны-наблюдателя в Африканском союзе и Лиге арабских государств, в 2008 г. стала стратегическим диалоговым партнером Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а также присоединилась в 2010 г. к одному из основополагающих для АСЕАН Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и в 2012 г. получила статус диалогового партнера ШОС» [24, с. 85–86].

Параллельно с этим понятие Новой Большой игры расширялось за счет включения в него негосударственных структур и транснациональных корпораций [15]. Международные отношения на территории центральных областей Евразии и их концептуальное осмысление ожидаемо были крепко взаимосвязаны. Часть последующих изменений в содержании термина обусловлены заложенными в конце первого десятилетия XXI века тенденциями.

Еще два направления эволюции понятия также берут свое начало в конце 2000-х гг., но в следующем десятилетии получили большее распространение. Первое – это углубление анализа собственно региональной политики. Важным явлением здесь стало сформировавшееся мнение о включенности центральноазиатских республик в Новую Большую игру наравне с другими крупными действующими лицами [14]. Вторым путем стала экспансия термина за пределы Средней Азии. Стало вполне приемлемым его употребление по отношению к самым разным точкам противостояния по всему миру [25–31]. «В 2016 г. появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. География Новой Большой игры растет, стремясь охватить почти всю мировую политику» [11, с. 22].

А.В. Михалев подверг понятие «Новая Большая игра» серьезной критике. Он рассмотрел использование данной терминологии с позиции постколониальных исследований, обличая ее империалистическую и неоколониальную сущность. Полагается, что применение такой категориальной системы «de facto ведет к реабилитации колониального нарратива, а вместе с ним и империализма» [11, с. 12]. Эксперты, обращаясь к словосочетанию «Новая Большая игра», чаще всего фокусируют внимание на политико-экономической подоплеке взаимоотношений в регионе. «Культурные же различия, на которые обращала внимание классическая постколониальная теория, остаются на втором плане» [11, с. 18]. Тем самым принижается значимость государств Средней Азии и они низводятся до роли пассивных субъектов внешней политики. Следующим в списке недостатков

обсуждаемого понятия значится его аналитическая несостоятельность и схематичность. М. Эдвардс высказывал опасение в том, что масштабная экспансия этого термина несет угрозу адекватному пониманию современной ситуации в Центральной Азии, потому что он содержит в себе «интеллектуальную ловушку», предоставляя наиболее легкий путь для интерпретации [9, с. 97]. А Михалев вслед за ним настаивал на том, что «язык описания политического в условиях Новой Большой игры является существенно упрощенным, особенно в вопросах, касающихся правящих режимов в странах Центральной Азии» [11, с. 16].

Принимая во внимание опасения исследователей, критикующих практику использования понятия «Новая Большая игра» в контексте международных отношений, полностью согласиться с этой точкой зрения нельзя. Большая игра и ее современная вариация применяются метафорически, как «необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [32, с. 68]. В данном конкретном случае одно сложное и пока слабо структурированное явление (международная обстановка в Средней Азии после распада СССР) понимается «в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» (цит. по: [33, с. 10]), а именно – Большой игры. Новый, гораздо менее изученный феномен возобновленного противостояния великих держав в Центральной Азии неизбежно апеллирует к имеющейся историографической традиции. Для первичного анализа и осмысления необходимы знакомые черты, через которые новый феномен станет доступен для понимания. «В методологическом аспекте метафора чаще всего замещает гипотезу» [34, с. 25]. Таким образом возникновение понятия «Новая Большая игра» связано с формированием гипотезы относительно событий, происходивших в конце XX века вокруг среднеазиатских республик. В качестве метафоры концепт несомненно высветляет одни аспекты исследуемого феномена и затеняет другие. Однако обращение к образу англо-русского противостояния более вековой давности отвечает потребностям научного изучения. Благодаря рецепции из историографического багажа, он прозрачен в своей семантике, хотя и «проще объекта или процесса, для объяснения которого ... используется» [34, с. 23]. При всей правомерности и справедливости обвинений в адрес Новой Большой игры, ее критика оперирует лишь первоначальным понятием, зародившимся в середине 90-х гг. XX века. Но ошибочно полагать, что содержание термина осталось с тех пор неизменным. Более того, концепт продемон-

стрировал стремление к эволюции и включению в свою семантику отдельных положений текущей политической повестки.

Отличия между «классической» Большой игрой и новой обстановкой в регионе существенны: более сложная иерархия «игроков» и увеличение их количества; отказ от предельного антагонизма противоборствующих сторон и длительные периоды сотрудничества и кооперации; возросшая роль коммерческих и надгосударственных образований, стремящихся к собственным целям; трансформация соперничества в Средней Азии из ключевого вопроса мировой политики в проблему меньшего порядка. Однако эти особенности не разрушают достоверность концепта Новой Большой игры, а лишь маркируют специфику нового этапа международных отношений в целом.

Кардинальные сдвиги в мировом балансе сил, породившие возникновение этого понятия, предопределили подход мировых держав к центральноазиатской политике. В середине 90-х гг. XX века в контексте Новой Большой игры речь шла исключительно о контроле над месторождениями углеводородов, о средствах их доставки и об обеспечении приемлемого уровня безопасности. Операция союзников во главе с США в Афганистане, последовавшая за терактами 11 сентября 2001 г., привнесла в регион серьезный военно-политический компонент. И хотя в течение двух десятилетий XXI века заинтересованные стороны использовали самые разные методы для достижения широкого спектра задач, основная составляющая взаимоотношений государств и корпораций в регионе по-прежнему основывалась на борьбе за ресурсы посредством продвижения своего влияния.

Реактуализация понятия из колониального периода обусловлена именно отказом от постколониального отношения к региону, что становится отражением новых политических реалий. Изменившаяся обстановка вызвала корректировки в принятии решений, и Центрально-Азиатский регион оказался на новом витке противостояния, возрождающем отдельные паттерны дипломатических и политических действий прямиком из XIX столетия (с поправкой на текущие обстоятельства). Следовательно, неоколониальная терминология возрождалась вместе с ними. Однако легкость, с которой образ Большой игры инсталлировался в общественном сознании, позволяет предполагать некие скрытые факторы, способствовавшие его рецепции.

Поворот к экспансивному империализму не мог бы совершиться без существенной публичной поддержки такой политики во всех участвующих в ней странах. Образ Большой игры

использовался для легитимации, романтизации и популяризации политики в Среднеазиатском регионе [11, с. 22]. Во многом этому способствовал тот факт, что употребление понятия «Новая Большая игра» не отличается академической строгостью и однозначностью понимания, дрейфуя от метафоры к аналитическому концепту и обратно. К тому же в новой информационной среде легко стираются грани между академическим исследованием, экспертным мнением, публицистической оценкой и медийным освещением вопроса. Все формы высказывания испытывают, пусть и в разной степени, постоянное идеологическое давление, становясь, даже непроизвольно, орудием политической борьбы.

Игровая метафора международных отношений

Если Новая Большая игра выступает, по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в качестве ориентационной метафоры для региональной ситуации, то уже понятие «игра» приближается к положению базовой онтологической метафоры для моделирования международных отношений. При этом «онтологические метафоры относятся к наиболее важным инструментам, которые использует человек для понимания своего опыта» [33, с. 237], и повсеместное распространение данного понятия позволяет судить о попытках структурирования феномена внешней политики в постбиполярном мире с помощью игровых элементов.

В исследовательской литературе и многочисленной публицистике не ставится на первое место вопрос о специфике данного термина. Анализ или критика применения понятия «Новая Большая игра» зачастую игнорирует уникальность формулировки, содержащей неустрашимую фигуру речи в моделировании политической феноменологии. Далее будет предпринята попытка очертить именно *игровые* аспекты данного термина.

В предшествующей литературе можно обнаружить немного исследований, касающихся понятия игры в контексте изучаемого концепта. Так, например, в работе И.В. Кучерук [1] теория игр применяется не к самому понятию, а к разработке оптимальной дипломатической стратегии в рамках рассматриваемого регионального соперничества. К тому же представленная в ней методологическая основа не обладает необходимым инструментарием для анализа игровой составляющей внешней политики.

Современный концепт наследует симулятивные и ролевые элементы у образа «классической» Большой игры, рецепция которого в

современном общественном сознании пока мало изучена. В XIX веке отсылающее к игре название англо-русского противостояния в Средней Азии появилось задолго до того, как оно было популяризировано Р. Киплингом. Это словосочетание отражало ощущение происходящих событий не только заинтересованными наблюдателями, но и непосредственными их участниками. «Туркестан, Афганистан, Закаспийская область, Персия – для многих эти слова означают что-то бесконечно далекое или напоминают о необычайных пороках и смерти от любви. Для меня, признаться, все они – фигуры на шахматной доске, а ставка в этой игре – власть над миром», – писал лорд Керзон незадолго до 1898 г., когда он стал вице-королем Индии (цит. по [2]). Его слова как нельзя лучше характеризуют «игровое» восприятие политики в Средней Азии и его исключительной специфики. Столь откровенные высказывания по отношению к современной международной обстановке, пожалуй, трудно встретить, но легкость реактуализации образа Большой игры позволяет предположить, по крайней мере, подсознательное согласие новых участников с правилами разыгрываемой партии.

Понимание политики как игры не столь широко распространено в исследовательской или экспертной литературе (чего, пожалуй, не скажешь об обыденном сознании). Можно выделить лишь отдельные работы, стремящиеся последовательно и поэтапно препарировать составляющие феномена политики с целью обнаружения специфических игровых атрибутов. Большинство таких исследований концентрируются на анализе внутривнутриполитических действий и их игровой сущности, но отдельные выводы имеют потенциал быть экстраполированными на сферу международных отношений. Первый свойственный политике игровой атрибут – это наличие цели и стремление выиграть. «Любой политический деятель нацелен на приз – власть, которой всегда недостаточно... Поэтому все устремления любого политика нацелены на получение власти как приза, конечной цели своего действия» [35, с. 65–66]. Новая Большая игра не сильно отличается в данном аспекте от внутренней политики. С поправкой на масштаб здесь также реализуется борьба за контроль над ресурсами и связанное с ним могущество. Следующий игровой атрибут, свойственный внешней политике, – соревновательный. Дипломатическое противостояние мировых и региональных держав несет в себе элементы того, что Й. Хейзинга определил как *agon*. Важнейшей точкой соприкосновения этих двух понятий является наличие ограничивающих

действие законов, воплощенных ныне в нормах международного права и общепринятых формах внешнеполитического действия. «Всякая схватка, если она ограничена определенными правилами, имеет – уже в силу этого ограничения – формальные признаки игры» [36, с. 133]. Хейзинга крайне негативно относился к корыстным политическим действиям, единственным из всех проявлений человеческой культуры, которым отказывал в связях с игрой. Подобная категоричная оценка отчасти была сформирована ужасающими реалиями Второй мировой войны.

Единственной формой вооруженного столкновения, соответствующей представлениям Хейзинги об игровых элементах культуры, являлся рыцарский турнир (шире – рыцарская война). В основе такой идентификации лежали их церемониальность и регламентированность. Романтизированный образ, воплощенный в рыцарском романе, выходил за пределы породивших его явлений, развивался самостоятельно и пользовался высокой популярностью. Подобно этому, приукрашенный сюжет шпионского романа соседствовал уже с событиями Большой игры, занимая умы ее современников. Приведенная выше цитата, в свою очередь, относится и к особой категории церемониальной и практически рыцарской войны. Это сближает ее с идеализированным образом «игры теней», Большой игры XIX века, где необходимость сохранения формального мира между соперничающими державами заставляла участников соотносить свои действия с их возможными последствиями. Наследуя этот образ, современная внешняя политика добавляет необходимость соблюдения многочисленных договоров, соглашений и резолюций. Как и в игре, политик испытывает на прочность правила, стремится их обойти или нарушить, но в большинстве случаев все равно подчиняется общим для всех законам.

Помимо состязательной составляющей, не в полной мере соответствующей *agon'y* Хейзинги, политика несет в себе театральный элемент, в том аспекте, где действующее лицо принимает на себя необходимую в предложенных политических обстоятельствах роль. Здесь политика сближается с *mimicry*, категорией игр, выделяемых вслед за Хейзингой французским социологом Р. Кайуа [37, с. 50]. Во многом существующая литература об игровой сущности политики опирается на фундаментальные работы этих исследователей. *Mimicry* основывается на «человеческой страсти преображаться, переодеваться, носить личину, играть чью-то роль» [37, с. 57]. В политике нередко используются ролевые игры с сознательным исполнением различных психологических образов – ролей «организатора или

руководителя исполнения, политического добродетеля и демократа, покорного политика, скрытого лидера и др.» [35, с. 64]. При переходе к внешнеполитическим стратегиям «роли» становятся менее заметными, но не пропадают совсем, меняя уровни конкретных политиков и отдельных государств («голуби» и «ястребы», «поборники демократии» и «традиционных ценностей»).

Ролевая составляющая политики напрямую соприкасается еще с одним комплексом игровых атрибутов. Политические действия происходят в «обособленном избранном пространстве (достаточно закрытом для обычных людей), кулуарах власти, полном таинственности и иррациональности, сопряженном с высококонкурентной соревновательностью» [35, с. 65]. За «кулисами» и «сценой» политики формируется еще один ее элемент – сопричастность тайне, особый круг вовлеченных в данную политическую игру. Это справедливо и для Большой игры, где уже само название отделяло сферу внешнеполитической деятельности и ее «игроков» от других людей. Пока сложно сказать, унаследовала ли Новая Большая игра подобную элитарность.

Все перечисленные выше игровые атрибуты политики способствовали формированию современной модели ее репрезентации. Она «предполагает, что в борьбу за власть включаются не только политические акторы, наделенные официальным правом выступать на публике, но и... зритель. Сфера политики предстает в виде политической сцены», которая существует «как символическая реальность» [38, с. 65]. Следствием этого становится сознательное конструирование политической среды с целью манипулирования зрителями или другими игроками. «Сфера политического давно превратилась в шоу... Политическая сфера все больше наполняется виртуальностью..., становится зрелищем, в котором наличествуют декорации, костюмы, разыгрываются сцены... Средства массовой информации сознательно создают драматические или комические сюжеты, которые своими перипетиями держат электорат в напряжении, вызывая чувства восторга, разочарования или нейтралитета. В политике постоянно происходит сокрытие реальности и симуляция вторичной реальности» [35, с. 64].

Иллюзорные и зыбкие очертания политики, помимо всего прочего, становятся симптомом глобальных изменений в обществах на рубеже XX – XXI веков. Доминировавшие долгое время концепции временной и пространственной реальности рассыпаются под воздействием колоссальных потрясений XX века. «Там, где не остается веры ни в революционную идею, ни в

социалистическое государство, ни в лучшее будущее, ценность приобретают только сиюминутные ощущения» [39]. Вслед за виртуальными пространственными моделями распадается связь времен [40, с. 197]. Неопределенность и сложность в прогнозировании будущего вместе с постмодернистской субъективностью в оценке прошлого приводят к «доминированию» настоящего. Однако и оно нечеткое и неустойчивое. По мнению ряда исследователей, «мы переживаем сегодня еще одну аномалию привычного восприятия времени, а именно невиданные ранее масштабы возвращения прошлого» [40, с. 10]. И рецепция Большой игры укладывается в эту тенденцию.

Публичный образ глобальной политики (и Новая Большая игра как его часть и удачное определение) стал средством для манипуляции общественным мнением, романтизации и легализации отдельных политических практик, поданных под правильным углом. Яркость и узнаваемость эксплуатируемого образа превратили его в универсальную метафору для СМИ, давно опробовавших практику конструирования и фабрикации прошлого в угоду коммерческим расчетам, общественным ожиданиям или политическим задачам. «Постоянно сокращающиеся диапазоны внимания, стремительный калейдоскоп визуальных образов, звуков, слов и информации стали общей проблемой нашей культуры. Такова лишь другая сторона самообслуживания, которое мы осуществляем в захлестывающих нас потоках информации; СМИ преследуют нас, все отчаяннее и беззащитнее конкурируя в борьбе за наше внимание. Каждый обладатель соответствующей аппаратуры живет под воздействием лавины новостей и ощущает на себе эту конкуренцию» [40, с. 31].

Всепроникающее информационное поле, многократно усилившееся алгоритмами социальных сетей, непрерывным потоком смывает грань между зрителем «политического спектакля» и его участником. Каждый вовлеченный в информационный поток может ступить на поле интерпретации и экспертизы внешнеполитического действия. Таким образом границы симулируемой реальности становятся проницаемыми для неиницированных игроков. Но вместе с доступностью возрастает степень отчуждения, когда события игры не воспринимаются действительными, какими бы реальными они на самом деле ни были.

Заключение

Термин «Новая Большая игра» возникает в 1994 г. в работах пакистанского журналиста Ахмеда Рашида и быстро распространяется в

профильной литературе. Понятие обязано своим появлением недавнему распаду СССР, обретению независимости пятью среднеазиатскими республиками и существенно изменившейся международной обстановке. В предшествующий период в научной историографии, политической экспертизе и журналистике в отношении борьбы за влияние в Средней Азии применялся концепт продолжающейся Большой игры, однако теперь вместе с возрастанием интереса к региону практически повсеместно в употребление вошел новый термин, хотя иногда использовался и старый. Содержание Новой Большой игры прошло эволюцию от соперничества за нефтегазовые месторождения и средства транспортировки через существенное изменение баланса сил в связи с присутствием американского (и союзного им) воинского контингента в Афганистане к многофакторному противостоянию разного уровня (США, России и Китая как ключевых соперников и многих региональных держав).

Семантическая эволюция понятия совпадает с глобальными сдвигами в системе международных отношений в регионе и мире в целом. Операция в Афганистане, помимо настороженности Китая, повлекла за собой как более гибкий подход к среднеазиатской политике Пекина, так и осознание совпадения интересов КНР и Российской Федерации в противодействии американскому влиянию в регионе. Вместе с этим все государства стали более тесно сотрудничать по вопросам борьбы с экстремизмом и терроризмом. Новая Большая игра перестала на этом этапе включать в себя исключительно борьбу за ресурсы, расширила ассортимент рычагов воздействия и допустила возможность сглаживания противоречий.

В конце 2000-х гг. охлаждение в отношениях между РФ и США привело к многочисленным инициативам Москвы по созданию разнообразных международных структур. В содержание изучаемого понятия вслед за этим включились в качестве действующих лиц негосударственные структуры и корпорации. Активизация внешней политики крупных региональных держав, таких как Турция или Индия, заставила и их признать участниками ведущейся «схватки». В 2010-х гг. круг игроков все чаще пополнялся среднеазиатскими государствами, лавирующими между великими державами, напряжение в отношениях которых друг с другом нарастало. Параллельно с этим Новая Большая игра осуществляла экспансию за пределы Центральной Азии.

Применение термина подверглось критике со стороны некоторых экспертов, отметивших схематичность и упрощенность данного понятия, а также его неокOLONиальную сущность,

оправдывающую возрождение империализма. Однако Большая игра, как и ее современная вариация, метафорические понятия, направленные на познание нового явления с помощью сравнения с чем-то подобным. При всей правомерности и справедливости обвинений, критика оперирует лишь первоначальным понятием, зародившимся в середине 90-х гг. XX века, тогда как содержание термина не осталось с тех пор неизменным. Концепт демонстрирует устойчивую способность к эволюции путем включения в свою семантику новых элементов.

Собственно игровая метафора внешней политики в понятии Новой Большой игры практически повсеместно игнорируется исследователями, хотя она относится к его базовым элементам. С опорой на некоторые исследования внутриполитических процессов и влиятельные работы Й. Хэйзинги и Р. Кайуа можно выделить такие свойственные политике игровые атрибуты, как соревновательность и азарт, особые правила функционирования, следование определенной роли, обособление пространства и участников действия.

В информационную эпоху восприятие происходящего опосредовано множеством источников. Политика вообще и Новая Большая игра не являются исключением. Официальная пропаганда, старые и новые СМИ, анонимные и экспертные мнения на просторах Всемирной сети транслируют неотличимый от действительности образ, подменяющий собой последнюю. Мгновенно распространяемая информация более реальна, нежели лежащие за ней факты, потому что она ближе и доступнее. «Принимать участие» в Новой Большой игре становится возможно благодаря создаваемому в информационном пространстве отражению действительности. Однако предлагаемые в нем симуляции существенно отличаются друг от друга, и пользователь социальных сетей увлечен совсем иной игрой, нежели профессиональный политик и дипломат. Тем не менее за минувшие десятилетия политика приобретала все большее количество элементов шоу, спектакля и конструируемой реальности, в которой разрушается дихотомия участник – зритель. Виртуальная реальность усиливает разрыв связей настоящего с прошлым и будущим. В итоге и реальность происходящего, и исторические образы оказываются для потребителя информации всего лишь конструктами, симуляциями, элементами быстро меняющейся конъюнктуры.

Некоторые направления антропологии представляются привлекательными с точки зрения обогащения аналитического инструментария изучения концепта Новой Большой игры и международных отношений в цифровую эпоху.

Большинство из них не связаны напрямую с рассматриваемыми явлениями, но использование этих теоретических наработок позволило бы сформировать свежий взгляд на проблему. В этой связи выделяются вопросы понимания сущности игры, сознательного или невольного нарушения правил [41–44], семантической разницы между понятиями «игр» (games) и «игры» (play) [45], взаимосвязи последних с войной [46; 47] и специфики взаимодействия реального и виртуального пространства в играх [48–50]. Игровая природа современной внешней политики требует дальнейшего изучения с привлечением исторической компаративистики и антропологических подходов.

Список литературы

1. Кучерук И.В. Особенности социокультурной составляющей «Новой Большой игры» в Каспийском регионе в контексте теории игр // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2021. Т. 1. № 3. С. 43–53.
2. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион – Русская книга, 2003. 368 с.
3. Meyer K.E., Brysac S.B. *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*. New York, 2006. 704 p.
4. Pavilionis P., Giragosian R. *The Great Game: Pipeline Politics in Central Asia* // *Harvard International Review*. Winter 1996/97. Vol. 19. № 1 P. 24–27, 62–65.
5. Rahul Peter Das. *The «Great Game» Continued* // *World Affairs: The Journal of International Issues*. July–September 2000. Vol. 4. № 3. P. 82–96.
6. Rezun M. *The Great Game Revisited* // *International Journal*. Spring 1986. Vol. 41. № 2. Southwest Asia. P. 324–341.
7. Meyer K.E. «The Editorial Notebook; Persia: The Great Game Goes On» // *The New York Times*. 10 August 1987. P. 18. URL: <https://www.nytimes.com/1987/08/10/opinion/the-editorial-notebook-persia-the-great-game-goes-on.html> (дата обращения: 23.05.2023).
8. Rashid A. *The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism?* New York, 2017. 304 p.
9. Edwards M. *The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder* // *Central Asian Survey*. 2003. 22(1). P. 83–102.
10. Козеллек Р. Введение (Einleitung) // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. К. Левинсон*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 24.
11. Михалев А.В. Новая Большая игра как неоколониальный дискурс // *Дискурс-Пи*. 2019. № 3 (36). С. 10–25.
12. Магомедов А.К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22. № 3. С. 349–354.
13. Stegen K.S., Kuszniir J. *Outcomes and strategies in the ‘New Great Game’: China and the Caspian states*

- emerge as winners // *Journal of Eurasian Studies*. July 2015. Vol. 6. Issue 2. P. 91–106.
14. Blank S. Whither the New Great Game in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. № 3. P. 147–160.
15. Molchanov M., Yevdokimova Y. Regime Building as a Prime Mover of Technological Progress: The Energy Sector in the Central Asia – Caspian region // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2004. Vol. 3. P. 417–435.
16. Cuthbertson I. The New «Great Game» // *World Policy Journal*. 1994. Vol. 11. № 4. P. 31–43. URL: <http://www.jstor.org/stable/40209382> (дата обращения: 24.02.2024).
17. Smith D. Central Asia: A New Great Game? / *Strategic Studies Institute*. US Army War College. 1996. 41 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11259> (дата обращения: 24.02.2024).
18. Atal S. The New Great Game // *The National Interest*. 2005. № 81. P. 101–105. URL: <http://www.jstor.org/stable/42897579> (дата обращения: 24.02.2024).
19. Ehsan Ahrari M. Jihadi Groups, Nuclear Pakistan, and The New Great Game / *Strategic Studies Institute*, US Army War College. 2001. 46 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11920> (дата обращения: 24.02.2024).
20. Geir F., Wilhelmsen J. Central Asia: A Testing Ground for New Great-Power Relations / *Norwegian Institute of International Affairs (NUPI)*. 2008. 56 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep08044> (дата обращения: 24.02.2024).
21. Маркова Е.А. Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века – начало XXI века) // *Проблемы постсоветского пространства / Post-Soviet Issues*. 2022. **9 (1)**. С. 121–129.
22. Васильев Л.Е. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2015. С. 104–118 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-politiki-kitaya-v-tse-ntralnoy-azii> (дата обращения: 26.11.2022).
23. Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Научное издание. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2022. 224 с.
24. Шлыков П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. **11 (2)**. С. 65–106.
25. Комлева Н.А. Украинский кризис – элемент «тактики анаконды» // *Обозреватель*. 2014. № 7 (294). С. 5–21.
26. Собольников В.В. Арцах в дискурсе информационно-психологического противоборства акторов новой «Большой игры» // *Профессиональное образование в современном мире*. 2021. Т. 11. № 3. С. 184–194.
27. Хассимуну Б. Новая Большая игра западных держав в регионе Сахеля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 2. С. 215–225.
28. Borgerson Scott G. The Great Game Moves North // *Foreign Affairs*. 2009. 25 March.
29. Easton I. The Great Game in Space: China's Evolving ASAT Weapons Programs and Their Implications for Future U.S. Strategy. Project 2049 Institute. 24 June 2009.
30. Manuel A. The New India: A South Asian Great Game? // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 2016. № 6. P. 254–265. URL: <https://www.jstor.org/stable/48573629> (дата обращения: 24.02.2024).
31. Rolland N. A New Great Game? Situating Africa In China's strategic Thinking / *The National Bureau of Asian Research*. NBR special report #91. June 2021. 37 p.
32. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // *Теория метафоры: Сборник*: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
33. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
34. Фрумкина Р. Семантическая прозрачность метафоры как условие ее инструментальности // *Одиссей. Человек в истории*. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. С. 23–37.
35. Новикова О.Н. Игра как атрибут политической деятельности // *Социум и власть*. 2016. № 3 (59). С. 61–66.
36. Хейзинга Й. *Homo ludens. Человек играющий*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
37. Кайуа Р. *Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры*. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2007. 304 с.
38. Турунок С.Г., Бахтина И.А. «Игра» в политику (теоретический аспект массовых политических коммуникаций) // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2008. № 4. С. 59–74.
39. Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // *Отечественные записки*. 2004. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vospriyatiya-vremeni> (дата обращения: 05.02.2024).
40. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
41. Consalvo M. Rule sets, cheating, and magic circles: studying games and ethics // *International Review of Information Ethics*. 2005. **4 (12)**. P. 7–12.
42. Graeber D. The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy. London: Melville House, 2016. 272 p.
43. Salen K., Zimmerman E. *Rules of play*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002, 688 p.
44. Suits B. Tricky triad: games, play, and sport // *Journal of the Philosophy of Sport*. 1988. **15 (1)**. P. 1–9.
45. Bateson G. A theory of play and fantasy // *Steps to an ecology of mind*. Northvale: Jason Aronson Inc., 1987. P. 183–198.
46. Allen R. *America's digital army: games at work and war (Anthropology of Contemporary North America)*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 228 p.
47. Cornell T.J., Allen T.B. (eds). *War and games*. Woodbridge: The Boydell Press, 2022. 331 p.
48. Boellstorff T. *Coming of age in Second Life: an anthropologist explores the virtually human*. Princeton: University Press, 2015. 348 p.
49. Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.L. *Ethnography and virtual worlds: a handbook of method*. Princeton: University Press, 2013. 264 p.
50. Malaby T. *Making virtual worlds: Linden Lab and Second Life*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 176 p.

**THE NEW GREAT GAME: ORIGIN AND EVOLUTION OF THE TERM
AND HYPERREALITY OF GLOBAL POLICY
AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY**

A.V. Belyaev

The New Great Game in modern historiography means rivalry of world and region powers in the Central Asia Region. This term arose in 1994 due to collapse of Soviet Union. Main content of New Great Game become the struggle for resources. Use of this concept turns out under the criticism for its neocolonial nature. New Great game, as concept, tends to evolution. It went through the several stages, coincided with huge shifts of international relations. At the same time, the popularity of term negatively affects the academic rigor of its use. Analysis of game connotations of concept discovers specific attributes. They extend on foreign policy at all and reveal its simulation nature and signs of new regime of temporality.

Keywords: Great Game, New Great Game, international relations, history of concepts, anthropology of the game.

References

1. Kucheruk I.V. Features of the socio-cultural component of the «New Big Game» in the Caspian region in the context of game theory // *Caspian Securitatist: Journal of Caspian Security*. 2021. Vol. 1. № 3. P. 43–53.
2. Rashid A. Taliban. Islam, oil and the new Big Game in Central Asia. M.: Biblion – Russian Book, 2003. 368 p.
3. Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. New York, 2006. 704 p.
4. Pavilionis P., Giragosian R. The Great Game: Pipeline Politics in Central Asia // *Harvard International Review*. Winter 1996/97. Vol. 19. № 1 P. 24–27, 62–65.
5. Rahul Peter Das. The «Great Game» Continued // *World Affairs: The Journal of International Issues*. July–September 2000. Vol. 4. № 3. P. 82–96.
6. Rezun M. The Great Game Revisited // *International Journal*. Spring 1986. Vol. 41. № 2. Southwest Asia. P. 324–341.
7. Meyer K.E. «The Editorial Notebook; Persia: The Great Game Goes On» // *The New York Times*. 10 August 1987. P. 18. URL: <https://www.nytimes.com/1987/08/10/opinion/the-editorial-notebook-persia-the-great-game-goes-on.html> (Date of access: 23.05.2023).
8. Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? New York, 2017. 304 p.
9. Edwards M. The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder // *Central Asian Survey*. 2003. **22(1)**. P. 83–102.
10. Kozellek R. Introduction (Einleitung) // *Dictionary of basic historical concepts: selected articles in 2 vols*. Vol. 1 / Translated from German by K. Levinson. M.: New Literary Review, 2014. P. 24.
11. Mikhalev A.V. The New Great Game as a neocolonial discourse // *Discourse-Pi*. 2019. № 3 (36). P. 10–25.
12. Magomedov A.K. The post-Soviet Caspian Sea as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm // *News Saratov University. A new series. Series: Sociology. Politics*. 2022. Vol. 22. № 3. P. 349–354.
13. Stegen K.S., Kusznir J. Outcomes and strategies in the «New Great Game»: China and the Caspian states emerge as winners // *Journal of Eurasian Studies*. July 2015. Vol. 6. Issue 2. P. 91–106.
14. Blank S. Whither the New Great Game in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. № 3. P. 147–160.
15. Molchanov M., Yevdokimova Y. Regime Building as a Prime Mover of Technological Progress: The Energy Sector in the Central Asia – Caspian region // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2004. Vol. 3. P. 417–435.
16. Cuthbertson I. The New «Great Game» // *World Policy Journal*. 1994. Vol. 11. № 4. P. 31–43. URL: <http://www.jstor.org/stable/40209382> (Date of access: 24.02.2024).
17. Smith D. Central Asia: A New Great Game? / *Strategic Studies Institute*. US Army War College. 1996. 41 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11259> (Date of access: 24.02.2024).
18. Atal S. The New Great Game // *The National Interest*. 2005. № 81. P. 101–105. URL: <http://www.jstor.org/stable/42897579> (Date of access: 24.02.2024).
19. Ehsan Ahrari M. Jihadi Groups, Nuclear Pakistan, and The New Great Game / *Strategic Studies Institute*, US Army War College. 2001. 46 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11920> (Date of access: 24.02.2024).
20. Geir F., Wilhelmsen J. Central Asia: A Testing Ground for New Great-Power Relations / *Norwegian Institute of International Affairs (NUPI)*. 2008. 56 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep08044> (Date of access: 24.02.2024).
21. Markova E.A. China's policy in Central Asia (the 90s of the XX century – the beginning of the XXI century) // *Problems of the post-Soviet space / Post-Soviet Issues*. 2022. **9 (1)**. P. 121–129.
22. Vasiliev L.E. Some aspects of China's policy in Central Asia // *China in World and regional Politics. History and modernity*. 2015. P. 104–118 [Electronic resource]. URL: <https://cyber-leninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-politiki-kitaya-v-tsentralnoy-azii> (Date of access: 26.11.2022).
23. Bobrov A.K. Conceptual foundations of Russia's foreign policy: Scientific edition. M.: Publishing house «Aspect Press», 2022. 224 p.
24. Shlykov P.V. Transformation of Turkey's regional policy in the context of competitive policy in the Middle East (2000–2010) // *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. 2019. **11 (2)**. P. 65–106.
25. Komleva N.A. The Ukrainian crisis is an element of the «anaconda tactics» // *Observer*. 2014. № 7 (294). P. 5–21.

26. Sobolnikov V.V. Artsakh in the discourse of the informational and psychological confrontation of the actors of the new «Big Game» // Professional education in the modern world. 2021. V. 11. № 3. P. 184–194.
27. Hassimiu B. The New Great Game of the Western Powers in the Sahel region // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2016. V. 16. № 2. P. 215–225.
28. Borgerson Scott G. The Great Game Moves North // Foreign Affairs. 2009. 25 March.
29. Easton I. The Great Game in Space: China's Evolving ASAT Weapons Programs and Their Implications for Future U.S. Strategy. Project 2049 Institute. 24 June 2009.
30. Manuel A. The New India: A South Asian Great Game? // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. 2016. № 6. P. 254–265. URL: <https://www.jstor.org/stable/48573629> (Date of access: 24.02.2024).
31. Rolland N. A New Great Game? Situating Africa In China's strategic Thinking / The National Bureau of Asian Research. NBR special report #91. June 2021. 37 p.
32. Ortega y Gasset J. Two great metaphors // The theory of metaphor: Collection: Translated from English, French, German, Spanish, Polish / Introductory article and compiler N.D. Arutyunova; General ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskaya. M.: Progress, 1990. P. 68–81.
33. Lakoff J., Johnson M. The metaphors we live by / Tr. from English A.N. Baranov and A.V. Morozova; Introductory article with a preface A.N. Baranov. M. Ed-diethorial URSS, 2004. 256 p.
34. Frumkina R. Semantic transparency of metaphor as a condition of its instrumentality // Odyssey. A man in history. 2007. History as a game of metaphors: metaphors of history, society and politics. P. 23–37.
35. Novikova O.N. Game as an attribute of political activity // Society and power. 2016. № 3 (59). P. 61–66.
36. Huizinga J. Homo ludens. The man playing. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2011. 416 p.
37. Kayua R. Games and people; Articles and essays on the sociology of culture. M.: OGI (United Humanitarian Publishing House), 2007. 304 p.
38. Turonok S.G., Bakhtina I.A. «The game» of politics (theoretical aspect of mass political communications) // Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society). 2008. № 4. P. 59–74.
39. Artog F. Types of historical thinking: presentism and forms of perception of time // Domestic notes. 2004. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentyzm-i-formy-vospriyatyya-vremeni> (Date of access: 05.02.2024).
40. Assman A. Has the connection of the times broken up? The rise and fall of the temporal regime of Modernity / Trans. from German by B. Khlebnikova; translated from English by D. Timofeev. M.: New Literary Review, 2017. 272 p.
41. Consalvo M. Rule sets, cheating, and magic circles: studying games and ethics // International Review of Information Ethics. 2005. 4 (12). P. 7–12.
42. Graeber D. The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy. London: Melville House, 2016. 272 p.
43. Salen K., Zimmerman E. Rules of play. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002, 688 p.
44. Suits B. Tricky triad: games, play, and sport // Journal of the Philosophy of Sport. 1988. 15 (1). P. 1–9.
45. Bateson G. A theory of play and fantasy // Steps to an ecology of mind. Northvale: Jason Aronson Inc., 1987. P. 183–198.
46. Allen R. America's digital army: games at work and war (Anthropology of Contemporary North America). Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 228 p.
47. Cornell T.J., Allen T.B. (eds). War and games. Woodbridge: The Boydell Press, 2022. 331 p.
48. Boellstorff T. Coming of age in Second Life: an anthropologist explores the virtually human. Princeton: University Press, 2015. 348 p.
49. Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.L. Ethnography and virtual worlds: a handbook of method. Princeton: University Press, 2013. 264 p.
50. Malaby T. Making virtual worlds: Linden Lab and Second Life. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 176 p.